

Ната Чернышева

Шел трамвай

<https://litres.ru/74062126>

SelfPub; 2026

Аннотация

Место действия - Санкт-Петербург/Ленинград

Главная героиня - девушка по имени Надежда работает в пятом парке водителем трамвая. В её прошлом таится немало загадочных белых пятен. В её настоящем происходят странные события. И однажды она понимает, что прошлое и будущее родного города замкнулось в страшное Кольцо, с которым ей предстоит сразиться.

Обложка на основе авторской фотографии

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ната Чернышева

Шел трамвай

ГЛАВА 1

Всю ночь сыпало мелкой морозящей сыростью, но к утру подморозило и под ногами теперь звонко хрупало. Круглый пруд покрылся тонкой корочкой льда. Серебристые ивы, не успевшие полностью облететь, тихо роняли последние листочки на застывшую воду. Воздух дышал холодным обещанием будущих бурь. Вслед за неласковым октябрём пришёл стылый ноябрь, встречайте...

За оградой – оживлённая трасса. Наждачный шелест шин по высушенному морозом асфальту, лязгающий перестук трамвайных тележек, долгий свист скоростного, летящего мимо железнодорожной платформы Ланская. Время, смена скоро начнётся, хватит прохладиться, пора в парк, пора...

Привычной дорогой по пешеходной зебре на зелёный, через Сампсониевский проспект, дальше – под железнодорожный мост, за мостом уже и проходная. Пятый трамвайный парк, альфа и омега бытия. Маленькая Надюшка часто бегала сюда к матери: та всю жизнь проработала в парке сначала водителем, потом кондуктором, а после – дежурной на проходной.

Низкое небо скупо плакало снегом. Ах, мама, мама! Почему ты так поздно родила меня? Чтобы уйти так непростительно рано?..

Выводя за ворота парник из двух красно-белых ЛМ-68М, Надя отрешённо думала, что прошло уже... Сколько? Восемь лет... Восемь уже лет она ходит по пятьдесят пятому маршруту на мамином вагоне. Его не списали и не порезали на металлолом, он по-прежнему оставался на ходу, был головным в паре. Что толкнуло тогда зацепиться потухшим от слёз взглядом на объявлении о наборе ученической группы, что заставило бросить всё и поехать в трампарк? Как будто знала, откуда-то из глубины души знала, что трамвай, помнивший тепло маминых рук, терпеливо ждёт своего человека...

Её, Надежду, ждёт.

"Аверченко? Дочь Веры Павловны? Берём!"

Северный ветер ушёл отдыхать, а взамен вместо себя выслал юго-западного собрата. Растаяла инистая сказка газонов, по стёклам потекло, вскипел на рельсах дождь. Из салона потянуло сыростью, нанесённой промокшими до последней нитки пассажирами...

– Вагон следует по маршруту до Светлановской площади, от Светлановской площади идёт в парк. По маршруту до Светлановской площади, от Светлановской площади в парк. Следующая остановка – улица Есенина...

Домой возвращалась в темноте, по раскисшей тропинке.

Парадная встретила дежурным теплом и неистребимым запахом сырого подвала.

С лестничного пролёта сверху внезапно раздалось сердитое шипение. Надя вздрогнула от неожиданности, всмотрелась – котёнок. Мелкий, не старше полутора месяцев, чёрный, тощий, страшный. И шипит: не подходи!

– Как страшно, – задумчиво выговорила Надя, разглядывая грозную тварюшку.

Из-под лестницы вывернулась чёрная тень, махнула наверх, схватила своё чадо за шкурку и сигануло обратно, сверкнув для остротки зеленущими глазами.

Молока им вынести, что ли...

***

Старая, деревянная ещё, дверь отворилась со скрипом. Не забыть бы смазать её. Каждый вечер Надя говорила себе о двери и каждое утро непременно о ней забывала...

Квартира встречала стылým сырым полумраком, опять сосед сверху не спустил воздух из батареи, и надо будет подниматься к нему, просить... Если ещё дома окажется. Тяжёлые шторы текли глубокими складками до самого пола, в них шевелились чёрные тени, перетекая из формы в форму и словно бы что-то при этом шепча. В низеньком холодильнике с полукруглой дверцей повесилась мышь. Пустые полки отливали благородной желтизной. Никакого молока, ко-

нечно же...

– Тинн-бомм, – гулко бухнули, обрывая сердце, напольные часы. – Тинн-бомм, боммм...

Надя дёрнула с крючка сумочку. Как же ей не хотелось выходить из относительного тёплого жилья в стылую непогоду, брести тропинками через старые деревья к продуктовой ларьку, возвращаться обратно... Для себя она никогда не стала бы этого делать. Но подвальных обитателей надо было накормить.

Косой снегодождь таял на чёрной, пропитанной влагой, земле. В свете фонарей опавшие листья казались чёрными, но днём, сквозь тусклый свет с лохматого неба, ещё можно было разглядеть на них багровый пурпур отгоревшей осени.

Надя купила молоко, пару баночек йогурта, половинку батона. Подумала, и разорилась на печенье в пластиковой коробке. Печенье по дороге пересыпала в пакетик, а пластик пригодится в качестве блюдечка. Внимательно осмотрела, не нашла нигде даже маленькой дырочки и осталась довольна.

Пока шла обратно, стих ветер. С низкого, залитого оранжевым заревом уличного освещения неба внезапно отвесно пошёл мягкий круглый снег. Такой рисуют на картинках: мир мгновенно превратился в горошек, возник откуда-то тонкий мандариновый запах, дохнуло детством, красными рукавичками, добрым лицом мамы, её улыбкой и голосом... Надя остановилась, чувствуя, как неотвратимо больно давит в груди. Вот здесь мама катала её на саночках. Вон

там они вместе лепили снеговика. В этом пруду безвозвратно утонула кукла, и достать её не удалось.

Восьмой год.

Восьмой год Надежда словно бы погружалась в вязкую чёрную воду, медленно тонула, обречённо рассматривая отдаляющийся солнечный свет над головой, и сил на последней рыбок к жизни не оставалось нисколько. Ах, мама, мама... Зачем?

Ответа не было, как не было и надежды.

Вот так шагнуть... вперёд, в тёмную, подёрнутую снежным крошевом воду... и всё закончится навсегда. Шаг. Ещё один. Но Надя знала, что третьего шага не сделает. Не сегодня ещё.

Не сейчас.

Кошки.

Покормить кошек. Это же ведь не так трудно, как жить, правда?

В парадной ничего не изменилось. Тусклая лампочка под высоким потолком, обшарпанные стены, конфетные обёртки в углу, окурки на разохшемся деревянном подоконнике, затхлая вонь старого, сто лет не ремонтировавшегося дома. Надя заглянула под лестницу, где зиял провал технического окна – чёрный почти квадрат, переход в потусторонний мир, связующий портал между человеческим и животным миром, – разложила половинки упаковки, налила молока, крошила батон.

– Кис, кис...

В абсолютной тьме блеснуло недоброй зеленью. Обитатели подвала не спешили доверять первому встречному. Кто его знает, с добром он или не с добром. Кискиснуть может каждый. Впрочем, голод уверенно повёл в счёте, и на краю окна вскоре появилась первая усатая мордочка...

Позже, на крохотной кухоньке, Надя вскипятила старый чайник, помнивший тепло маминых рук, кинула в кружку пакетик, залила горячим. Открыла один из йогуртов, стала неспешно есть. Ветер швырнул в окно заряд мокрого снега, выбил форточку, потёк в квартиру влажный ненастный холод со вкусом сырого болота.

Надвигался девятый Новый год, чёрный, одинокий и ледяной.

***

В старом трамвайном ангаре, отданном под музей, – полумрак, тишина, со Среднего проспекта – приглушённые звуки: машины, машины, тренькающий звонок и перестук колёс идущего мимо рейсовой сороковушки, тонкий стеклянистый шорох, это ветер лупит в подпотолочные стёкла колючим льдистым снегом. Тихо бормочет старенький телевизор в подсобке. На путях стоят в полумраке старые вагоны, отбегавшие свой срок. Многие из них на ходу, некоторым требуется ремонт, кому косметический, кому и капитальный.

Бессменный мастер, имени которого уже никто не помнил, звали по отчеству – Петровичем, терпеливо готовил бок старенького МС-4 к покраске. Очищал от старой краски, медленно и методично. Паяльная лампа и металлический шпатель, скребущие звуки, запахи разогретого металла, старой краски, сварки... Надя подошла помочь, мастер кивнул ей. Он был очень неразговорчивым, старый Петрович. Мог молчать сутками напролёт. Не пил, но много курил, ядрёный вкус дешёвой «Примы» следовал за ним повсюду.

Петрович не принял современной жизни, и потому пропадавал в музей, его встречали и в других трамвайных парках. Золотые руки, инженерные знания, кристальная болезненная трезвость, ему были рады везде. Но большей частью он всё же обретался в музее, доводя до ума старые, отслужившие свой век вагоны. Поговаривали, что и спал здесь же, в подсобке, с плитой и стареньким чёрно-белым телевизором «Электрон». Надя думала, что хорошо понимает старого мастера. Идти ему некуда, такая же неприкаянная душа.

Вагон терпеливо переживал процедуру. МС-4, Моторный Стальной, дитя Путиловского завода. Их выпустили тысячу с лишним штук, они разошлись по всей стране. Алма-Ата, Астрахань, Бийск, Владикавказ. Запорожье, Краснодар. Свердловск. Новороссийск. Горловка. Конечно же, Ленинград... Это было давно. Так давно, что некоторые города уже успели бесповоротно исчезнуть с карт...

«Ничего, – думала Надя бессвязно, касаясь скребком ва-

гона, – потерпи. Весной поедешь на парад...» На Девятое мая планировался выезд по блокадному маршруту, с флагами и прочим таким. Петрович, правда, ворчал, что всё измелчалю, а вот раньше... А как оно было, раньше?

– Как было... – скрипуче повторил старый мастер, и Надя поняла, что задала вопрос вслух.

Петрович отставил горелку, смотрел куда-то вглубь себя, вспоминая.

– Трамвай остановился в ноябре... Внезапно отключилось электричество и вагоны встали там, где шли. Всю зиму их заметало снегом...

Надя слушала, обхватив себя за плечи, – воздух внезапно стал зябким. Петрович рассказывал, и оживала перед глазами тёмная улица, неподвижно застывший вагон, и люди в нём, много людей. Наверное, люди ждали, что трамвай сейчас тронется, но вагон стоял. Оказалось, люди замёрзли, давно замёрзли все. И у Города не нашлось сил похоронить их.

– А были наводчики, – со смертельной ненавистью сказал, будто плюнул, старый мастер. – Фашистам указывали, куда бить. Одну такую Полиной звали, вторую не помню, да и первую бы уже забыть. Идейные. Свободы всё хотели, уж им немец прописал бы свободу! – и в беседу вклепались, не отодрать, непечатные определения.

Да. Предатели – это плохо. Во все времена предатели – это очень плохо. Надя не стала спрашивать о судьбе тех двоих. Она ясна была и так.

Весной, со слов Петровича, в Город прилетели ласточки, и снова пошёл трамвай. Жизнь продолжалась, несмотря на войну. Девушка слушала старого мастера и снова видела сквозь прикрытые веки далёкие улицы блокадного времени, жителей, радовавшихся звонку проходящего мимо вагона, птиц, доверчиво выющих гнёзда под крышами зданий. Сон наяву оказался настолько ярким, что в душу словно бы дунул тот, давний, несущий страшные железные запахи ветер. Всё-таки мы тогда выстояли. Выстояли...

Из музея Надя уходила поздно. Снег прекратился, оранжевое небо мохнато нависло над головою: вскоре метель продолжит свой стремительный ледяной танец, но пока стояла глухая, ватная тишина. Тренькнул за спиной звонок, Надя машинально посторонилась, пропуская, и только потом удивилась, да ведь уже очень поздно, кому понадобилось, причём не в парк, а из парка. Конечно, никакого вагона позади не оказалось. Но в лицо вдруг пахнуло машинным теплом, прокатило по рельсам тёмным ветром и ворота начали медленно раскрываться...

Надя стояла, не в силах вздохнуть от внезапного ужаса. Пошёл снег, крупный, круглыми шариками, мокрый. Девушка отёрла дрожащей рукой лицо, и наваждение исчезло: ворота стояли закрытыми, шелестели по проспекту редкие машины.

Она успела на последний рейс сорокового маршрута. Старый одиночный ЛМ-68, салон – ледяной гроб, ни одна печь

не работает, и никого, только усталый кондуктор дремлет на своём месте, сунув в толстый шарф отморозенный нос. У кабины было чуть теплее, пристроилась на первом сиденье.

– Тебе куда? – крикнула водитель через полуоткрытую, подпёртую ломиком, дверь.

– Сердобольская, – ответила Нина коротко.

– Понятно.

Вагон тронулся с места и резво пошёл вперёд, набирая скорость. На остановках – никого, можно лететь мимо, ведь единственный пассажир назвал конечный пункт своего путешествия. Кадетская линия, Тучков мост. Тёмная, бликующая ночными огнями речная ширь, накосо вросший в скобки нагнанных ветром волн ливневой снег, непогода, непогода, «так-так», – перестук колёс под подрагивающим полом, – «так-так»... Надя уронила голову на грудь и забылась в тяжёлой дрёме.

То ли слова Петровича задели сильнее, чем показалось, то ли собственные мысли загнали в круг, но снилась Наде вымороженная зима с глухим рокотом артиллерийских разрывов, замёрзший вместе со своими пассажирами трамвай, вставшая подо льдом река и собственные худые руки, вытягивающие из чёрной лунки ведёрко с водой...

– Сердобольская, приехали!

Надя рывком подняла голову, потёрла ладонями лицо. Заснула, надо же. Замёрзла...

– Спасибо...

Родная парадная встречала гриппозным теплом, затхлым запахом старого жилья, вопросительным «Мяу» подвальных сидельцев.

– Эх, вы, – сказала им Надя, остановившись.

Неудачный район. Крупные круглосуточные гипермаркеты далеко, а здесь лишь мелкий магазинчик и пара ларьков, и все они в половину первого ночи закрыты, нечего даже мечтать. Чем зверей покормить? Кажется, в холодильнике стоял начатый пакет молока... Но девушка так замёрзла и устала, что выйти за дверь квартиры ещё раз попросту не смогла бы – не хватило бы ни воли ни сил..

– Ну, пошли, – кивнула она кошкам, не особо надеясь, что они услышат.

Проскрипела на всю парадную дверь. Мимо ног метнулись чёрные тени – одна, вторая... надо же, сообразили! Надя положила сумку на комод, сняла обувь и, не раздеваясь, прошла на кухню. Разлила по блюдецкам молоко, покрошила хлеб. Погрела озябшие руки о батарею, краем глаза наблюдая за гостями. Чёрные, страшные. Мамаша и два отпрыска. У одного из котят – белые лапки, второй чисто чёрный, в мать.

Внезапно Надя поняла, что отдала всё молоко кошкам, и весь хлеб им же, а себе ничего не оставила. Два яйца и хвостик колбасы – это лучше на завтрак, наверное... А сейчас не хочется ничего, даже горячего чаю.

Завтра – законный выходной, так что в постель и спать,

спать, спать... Но кошкам надо будет как-то выйти... Надя не придумала ничего умного, кроме как приоткрыть входную дверь и подпереть её тапочком. Сняла пальто, повесила на крючок. И силы закончились. Еле-еле добрела до постели и рухнула в неё. И, прежде чем окончательно провалится в небытие, почувствовала тяжесть на животе: кошка.

– Ну, и куда? – еле ворочая языком, спросила девушка. – Ты же подвальная. Ты же грязная. С блохами!

Кошка топталась, жмурила бессовестные глаза и тарыхтела на полной громкости.

ГЛАВА 2

Солнце светило сквозь тяжёлые старые шторы, наполняя комнату бордовым сиянием. В луче, пробившемся сквозь щель между половинками полотен, танцевали пылинки. На кухне негромко ворчало «Авторадио», весёлые голоса ведущих, затем пошла иностранная ретро. Abba, кажется. Привычно такали напольные часы в коридоре. А ещё совершенно умопомрачительно пахло свежесваренными пельменями и чесночным соусом на сливочном масле. Почти как в детстве... На миг показалось, будто вернулись обратно старые дни, и снова десять лет, и вот сейчас войдёт мама, сдернет одеяло и весело скажет: «вставай, лежебока...»

– Вставай, лежебока!

Голос, правда, не мамин...

– Саша...

Сестра. Саша старше на семнадцать лет, успешна, красива, сильна. Но у неё свои взгляды на мир, и мириться с теми взглядами непросто. Легче было бы, если бы Саша оставила Надю в покое и забыла о самом её существовании; при Сашинем образе жизни, вечной занятости, сыновьях-охломонах, со вкусом мотающих родительнице нервы, собственной сети кофеен по всему городу оно не так уж и трудно. Но сделать этого Саша не может. И каким-то мистическим образом появляется в жизни Нади именно тогда, когда младшей при-

ходится особенно туго...

Сама Саша объяснить этого не в состоянии даже себе. Ей непонятно, почему надо немедленно перенести, а то и вообще отменить деловую встречу, – себе в убыток! – или вернуться на трассе, или подорваться в середине ночи, чтобы проведать сестру. Но она никогда не давит интуитивное предзнание. Переносит, отменяет, разворачивается, бежит. И успевает. Всегда успевает вовремя.

Что Саша пережила, увидев перед собой приоткрытую дверь в квартиру сестры, знала только она одна. Криминальные хроники наблюдала не только в телевизоре, вполне себе представляла их не по сериалам о бандитском Петербурге и улицах разбитых фонарей. Но в последние несколько лет всё как-то унялось, разгулилось, ушло, кому бы понадобилось, без угроз, без каких-либо предварительных телодвижений по шантажу, запугиванию и прочему такому же? Значит, залётные. Значит, случайность. Значит...

Но сестра спала мёртвым сном уставшего запредельно человека, а то тощее, септическое, что изгваждало грязными лапами белый пододеяльник, за смертельную угрозу посчитать было нельзя...

– Иди умывайся. И садись ешь.

Вода из крана шла холодная. На улице минус, несмотря на солнце, трубы остыли, соседи разошлись с утра на работу. Теперь пока прогреется... Наде жалко было лить воду просто так, и она взялась умываться холодной. Холодная вернее

стонит сон, и вообще...

В стаканчике для щёток стояла новенькая зубная паста «Рокс», на полке – шампунь, мыло ручной работы с запахом арбуза, – новинка сезона, ещё какие-то баночки, надо думать, с кремом. Надя не раз выговаривала сестре, пыталась вернуть деньги, не особо, правда, представляя, сколько всё это может стоить. Саша ничего не хотела слушать, а то поливала раздражённым матом, уши отваливались. Нет, Надя сама знала все эти слова, но всё же слушать их неприятно, не говоря уже о том, чтобы выразаться самой.

К пельменным запахам добавился сигаретный, «Казначей». Да. Саша могла позволить себе выбирать, и выбирала.

Пельмени оказались великолепны, соус тоже. Кошки, отмытые до хрустального блеска, урча, трудились над фаршем в мисочках, на всех, и на мамаше, и на мелких, красовались противоблошинные ошейники. Надя заметила длинные царапины на руках сестры: без потерь не обошлось. У Саши жили в её огромном доме лысые сфинксы, со страшными чёрными мордами, ушами, как у летучей мыши, и складками по всему телу. Про себя Надя считала, что грех издеваться над животными, выводя подобные породы, но в чужом монастыре свои порядки не устанавливают.

– Восемь лет уже прошло... да, восемь, – говорила Саша, стряхивая пепел. – С ума сойти, правда? А как будто вчера...

Надя не возражала против Сашиного курева, всё же не «Прима» Петровича, но запах табака не одобряла. Опять

квартиру неделю проветривать...

– Странно так получилось, – задумчиво продолжала Саша, стряхивая пепел. – Мама же не болела ничем! Крепкая была... для своего возраста. Я думала, она ещё лет двадцать проживёт! Живут же люди и девяносто, и сто...

Надя молчала. В тот день мама была весёлая, очень весёлая. Время высушило плоть, наградило частыми морщинами лицо, но по какой-то странной прихоти пощадило голос. Как мама пела! Как она пела, любой мог позавидовать. Вот и в тот день она тоже много пела. Ничто не предвещало беды...

– Она мне смс прислала, – продолжала вспоминать Саша. – Три коротких слова. "Приезжай Срочно. Умерла". Как она могла знать? Откуда?.. И ведь – "не я умираю", а – "умерла". Ты говоришь, скоропостижно... И скорая подтвердила... Да по времени же не сходится! Смс пришла в двенадцать пятнадцать, а умерла мама в четырнадцать сорок. Пока я добралась...

– В двенадцать пятнадцать мы ещё гуляли у Невы, – сказала Надя в который уже раз.

Сёстры не раз обсуждали загадку последней смс, но ясности не прибавлялось. В самом деле, откуда может человек знать день своей смерти? Надя шутить такими вещами просто не смогла бы, и все это знали. А по всему выходило, что мама отправила сообщение от Петропавловской крепости, где любила гулять не реже трёх раз на неделе. В тот день младшая была рядом. И не запомнила, как мама брала в ру-

ки телефон...

– Послушай, сестрёнка, – Саша накрыла горячей ладонью холодные Надины пальцы, – не ершишься, просто послушай! Ведь ты же умница, Надюха, у тебя же золотая медаль Тридцатки! И первый курс СПбГУ с отличием. А что ты с собой делаешь сейчас? Водишь трамвай. Восстановиться в вузе не думала? Я помогу с репетиторами...

Надя сжала ладонями горячую кружку с чаем. Саша рассуждала верно. Саша старше, мудрее, знает жизнь. Сашу надо слушать...

– Я не могу уйти оттуда, пойми.

Саша знала о маминим вагоне. Надя рассказала ей в тот же день, когда его увидела. Но для старшей сестры мамин трамвай не имел никакого значения. Пожала тогда плечами, ну, хоть смеяться не стала. Зато в последнее время впадала в раздражение при любом упоминании о нём.

– Восемь лет прошло, дурёха, – с досадой сказала Саша. – Восемь, начался девятый. Сколько ещё ты будешь прятаться в ненужной тяжёлой работе?

– Ненужной?

– Да, ненужной! – вспылила Саша. – Твои трамваи – это прошлый век, пещерный век! Их убирают из города! Скоро ни одного не останется. И ты окажешься на улице с голой задницей. Без профессии и с раздолбанным здоровьем!

И снова Саша говорила правду. Трамвай Петербурга переживал не лучшие времена. Отменялись маршруты, закры-

вались парки, убирались с дорог рельсы. Но что-то упрямо подсказывало: так будет не всегда. Глупость с разрухой уйдут из чиновничьих голов, и город вернёт себе гордое звание трамвайной столицы...

– Слушай, раз уж так переживаешь... Хочешь, выкупим его?

Надя, поперхнувшись, молча вытаращилась на сестру. С ума она сошла?..

– А что? Сколько он там стоять может, древняя рухлядь. Поставим на даче...

Надя не успела осознать толком сказанное сестрой, а губы уже выдохнули:

– Нет!

Конечно же, нет! Машина должна работать, приносить пользу, для того её и создавали на заводе. Стоять на даче, ржаветь под дождем, без технического обслуживания... Сашины мальчишки и их приятели будут лазить по вагону. Сломают токоприёмник, раскурочат систему управления, разобьют стёкла. Надя почти увидела обречённо-покорную мордочку вагона, с немым укором в потушенных фарах: эх вы, люди... Нет! Мама не одобрила бы.

Саша злобно ткнула скуренную сигарету в пепельницу, расплющила её, раздавила, растёрла пальцами. Нервно вытянула из пачки новую.

– Я знаю, что сделаю, – яростно выговорила она, щёлкая зажигалкой. – Договорюсь с вашими, чтобы этот чёртов

трамвай разрезали на металлолом! Он из тебя жизнь высасывает, что я, не вижу?

– Ты этого не сделаешь, – твёрдо заявила Надя.

– Ещё как сделаю!

– Попробуй, – Надя стиснула вспотевшие ладони, и губы одеревенели: – Вот тогда я уже точно не уйду из парка! Никогда.

– Ох, ну ты и ду-ура!

Надя опустила взгляд и промолчала. Она не любила спорить. Но её молчание принимать за знак согласия мог только тот, кто девушку совсем не знал. Саша – знала.

– Мужика тебе надо, вот что, – с досадой выразилась старшая. – Глядишь, сразу блажь из башки улетучится.

– Не нужен мне никто, – отрезала Надя.

– А под тридцатник оставаться девочкой – нужно?

Надя снова пожала плечами, снова промолчала. Саша вытянула сигарету, раскурила её. Тоже молчала. «Тинн-бомм», – вклинились в их молчание напольные часы. – «Тинн-боммм, боммм!»

***

Дорогая Веруша!

Свободного времени мало, пишу на коленке. Не так здесь страшно, как казалось вначале. Иногда бывают тяжёлые случаи, когда остаёмся бессильны, несмотря ни на что. Но

*они редки. Здесь крупные звёзды и очень холодные ночи, ску-
чаю, ждущу возможности вернуться. Время закончилось: гу-
дит вертушка, пора бежать. Целуй Сашулю в пяточки, об-
нимаю обеих... твой А-в-Квадрате*

Пожелтевший лист бумаги, выцветшие строчки, оригинальная подпись – буква А, обведённая квадратом – Алексей Аверченко, А-в-квадрате, детское прозвище, перебравшееся во взрослую жизнь.

А вот он и сам, молодой фронтовик в гимнастёрке и с орденем, защитник Ленинграда, боевой командир. Короткие тёмные волосы, твёрдый взгляд... Мамин муж, отец Саши. После войны поступил в медицинское училище. Стал военным врачом, хирургом. Работал, куда посылали, в том числе, в горячих точках. Сначала была Корея. Потом Афган. Из Афгана он не вернулся...

Надя бережно перебирала фотографии. Каждую из них знала наизусть, до тонких трещинок в старой фотобумаге. Алексей Аверченко не был её отцом, он погиб задолго до её рождения. Надя не могла представить его своим папой. Ни там, где он был ещё совсем юнцом, ни там, где уже – взрослым, капитаном медицинской службы. Если бы он остался жив, ладили бы они? Или её, Нади, просто не было бы на свете? Кто знает...

Мама родила младшую дочь слишком поздно. Слишком поздно, в сорок девять пополнив статистику редких случа-

ев благополучных родов в позднем возрасте. Кто отец, она никогда не рассказывала, и вопросы о нём были, пожалуй, единственным, но строжайшим табу. Как будто мужчины, подарившего Наде половину своих генов, никогда не существовало в природе... Надя не раз задумывалась, уж не приёмная ли она. Но все отмечали невероятное сходство с матерью, и Надя сама его видела, достаточно было взять из альбома старую фотографию молодой мамы и посмотреть на себя в зеркало. Линия волос надо лбом, форма носа, губы. Глаза. Полная и безоговорочная копия.

В парке пожилые кондукторы иногда путались, называя дочь именем матери. Потом осознавали ошибку, улыбались смущённо, оправдывались сходством...

Стоял декабрь.

Самое мрачное время года.

С середины ноября приходят тёмные дни, расплата за весенние белые ночи. Световой день сокращается быстро, словно планета входит в крутой вираж своей орбиты и не может притормозить. Утренний город под лохматым, оранжевым от фонарей небом погружён в потусторонний зачарованный сон. Но улицы потихоньку оживают. Выползают неуклюжие, с щётками и ковшами, уборщики, спешат по своим делам редкие прохожие. Просыпаются в парках трамваи...

Рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах – полосатые вагоны. Красные полосы кажутся чёрными в общем полумраке. Гу-

стой тягучий гудок грузовоза, идущего по железной дороге мимо платформы Ланская. Дадах-дадах, дадах-дадах. Земля ощутимо подрагивает: гонят явно не порожняк. Под фонарями танцуют снежинки, – красиво.

Ладонь на холодный, выстуженный за ночь кузов. Ну, здравствуй. И кажется, будто бок трамвая наливается ответным теплом: здравствуй и ты, поехали?

Закрывать спускные вентили пневмосистемы, поднять токоприёмник, включить автоматические выключатели – главный, мотор-компрессора и цепей освещения... выбрать направление движения и род работы силовой схемы, повернуть реверсивный вал контроллера в соответствующее положение. Отпустить ручной тормоз. Включить первую ходовую позицию...

Поехали.

***

Город приходит в себя после ночной летаргии. Увеличивается количество людей на остановках. Плотнее становится поток автомобилей, появляются пробки и первые ДТП, как же без них. Рельсы весело бегут по выделенной линии, хорошо, когда с обеих сторон пути забор. Справа-сзади наливается светом спрятанный за домами горизонт. Пересекающая улица – как стрела на восход. Пронесло мимо, и снова серые многоэтажки под холодным, неясным небом.

Каменных рек Пангеи не взять рукой...

Маленький радиоприёмничек, подарок Саши. Громкость – на минимуме, какой только возможен в кабине грохочущей Машины. Поток умиротворяющего звука, плывущий мимо сознания. Но иногда ухо выхватывает смысл...

*Сам себе загадай, сам себе ответь
Нужен ли опыт смерти твоей душе?*

Проспект Культуры – Луначарского. Один из коварных поворотов на маршруте: стрелка может – и делает это! – переключиться под вагоном. Передняя тележка повернула налево, задняя поехала прямо. Приплыли. Стоим, ждём службу пути, развлекаемся... Негреющее тусклое солнце вновь ныряет в ползущую с юго-запада низкую хмарь. Мир выцветает на глазах, меняя миллионы оттенков на двести пятьдесят шесть градаций серого.

*А впереди двадцать первый век,
Текущий камень пангейских рек,
Потом осенняя слякоть, потом зима, потом кайнозой.*

До кайнозоя надо ещё как-то дожить. Декабрь никогда не закончится, потому что не закончится никогда. Как будто

время застыло, застряло на неисправной стрелке путей и, как тот трамвай, не может теперь сдвинуться ни назад, ни вперёд. Остаётся только ждать... По аналогии со службой пути, службу времени?

А после смены – Васильевский остров, Средний проспект, бывший второй парк, ставший ныне музеем. Тянуло, несмотря на усталость. Держало: размеренной атмосферой любимого дела, неторопливой работой старого Петровича, желанием восстановить и сохранить для потомков старые вагоны прошлого.

– Обкатать бы, – озабоченно говорил мастер, осматривая МС-4.

– Давайте я, – вызвалась Надя.

Петрович долго смотрел на неё, словно сомневаясь, стоит ли доверять столь важное дело девчонке. Качал головой, жевал губами. Потом сказал со вздохом:

– Давай. Пришло твоё время...

Потом, вспоминая этот день, Надя поняла, что всё Петрович знал. От начала и до самого конца... Но тогда пресловутое шестое чувство ни о чём не предупредило её.

Ладонь на рукоять контроллера. Второй рукой потянуть верёвку, поднять пантограф. Пошёл, пошёл упругий ответный отклик, чёткое, но не передаваемое словами чувство – Машина приняла нового водителя. Если бы не приняла, стоило бы задуматься, а надо ли лезть. Надя помнила вагон, от-

казавшийся с нею работать – ЛВС-86, чей водитель ушёл на больничный. Разрядом по пальцам – н-на! Слабеньким, но всё же. И острое ощущение неприязни, хлестнувшее душу сильнее электротока. Надя тогда всё же не ушла сразу, посидела немного на водительском кресле, надеясь, что своёвольный трамвай передумает и возьмётся за ум. Не передумал. Не взялся. Так и стоял на запасных, пока не вернулся его человек.

Смейтесь, если смешно! Но Надя не просто верила, что у каждой машины в парке был свой характер вместе с душой, Надя – знала. И была уверена, что каждый хороший водитель тоже знает. Просто говорить об этом было не принято. Зачем говорить, если всё ясно и так?

«Ты очеловечиваешь свои железки, – не раз выговаривала ей Саша. – Так нельзя!»

А жить сплошной выгодой – можно? Можно, Саша во многом жила именно так. Но Сашина жизнь Наде не нравилась.

Петрович с лязгом откатил ворота. Старенький МС4, поскрипывая, пошёл по рельсам, из уютного тепла ангара в холодную подмёрзшую тишину зимнего вечера. На ходу вагончик. На ходу!

Парковый двор внезапно растянулся в бесконечность. Улицы, улицы, улицы, снег, морозное солнце, мутным диском смотрящее сквозь металлическую дымку, люди... Рельсы, рельсы, победный звонок, эхом пружинивший от застыв-

ших в смертной тоске домов. Острый, ванильный вкус давнишней зимы, и снова люди, мосты, застывшая подо льдом река, люди на льду... ещё что-то...

Надя пришла в себя в ангаре, прямо на полу. Вдохнула запахи старой краски, смазки, прогретого электродвигателя. Привычные родные запахи, с тревожной ноткой пороха, железа и крови...

– Сомлела, – осуждающе выговорил Петрович, убирая старую газету, служившую ему веером. – Бывает...

Надя села, потёрла лицо, – руки дрожали. Потом встала. Сказала:

– Пойду я домой, наверное...

– Обожди, согрею тебе чаю...

Чаю. Надя знала старый заварник с отбитым носиком, заварник, который не мыли уже лет... дцать, и покрывавшая его изнутри корка из флаваноидов придавала чаю особенный вкус. Пить, впрочем, чай, заваренный по рецепту Петровича, мало кто рисковал. А Наде вдруг стало совершенно всё равно. Её трясло, душа просила согреться. Самый лучший чай это тот чай, который есть, так?

В подсобке стояло уютное тепло, бормотал черно-белый, в деревянном ещё корпусе, телевизор. Сверху на телевизоре развалился рыжий музейный котяра Штепсель, свесил пушистый хвост на полэкрана и оглушительно мурлыкал, перебивая звук.

– Бездельник, – беззлобно обругал кота Петрович, но

гнать не стал.

Вскипятил на одноконфорочной плитке чайник, заварил по всем правилам свежий чай. Подал Наде большую горячую кружку, куда кинул четыре кубика рафинада, а писк «мне столько нельзя!» был им жестоко проигнорирован.

– Пей, – коротко бросил он, и Надя пила, обжигаясь, чёрный, безумно вкусный, сладкий чай так, будто напиток был божественным нектаром.

– Скажите, – неожиданно даже для себя самой, спросила Надя, – вы ведь знали хорошо мою маму?

– Знал, – коротко ответил старый мастер.

Надя ждала.

– Стержень в ней всегда был, – коротко ответил Петрович.

– Стальной. К молоденьким стажёрам строга была, но строже всего спрашивала с себя самой. Ты – похожа на неё. И с каждым годом сходство лишь увеличивается.

Для Петровича это была невероятно длинная речь, Надя оценила. А потом вдруг подумала... испугалась собственной мысли... а потом подумала снова. Может, это он – отец?

Надя долго рассматривала старого мастера, исподтишка, стараясь, чтобы он не видел её назойливого взгляда. Потом подумала, что всё же навряд ли. Петрович не бросил бы своего ребёнка. Не позволил бы расти своей дочери в полном неведении насчёт родного отца. Давно рассказал бы. Даже если бы мама взяла с него страшную клятву держать тайну, восемь лет назад мамы не стало. Не год назад, не полгода, –

восемь. Рассказал бы.

Значит, не он.

***

Надя переходила дорогу, от трамвайного музея через Средний проспект к остановке. Удобно отсюда уезжать сорочковым маршрутом, как раз почти к самому дому подходит вагон. Час поздний, но ещё не глубокая ночь; мимо несутся машины, вьётся за ними сухая метельная позёмка. Не сказать, чтобы сильно холодно, по ощущениям – минус пять, но после тёплого нулевого крошева воздух насыщен мелкими морозными колючками, недолго простыть, если не прикрывать лицо ладонью.

На середине дороги снова на разум сошло затмение. Звук заглохли, отдалились, ещё сильнее сгустилась тьма. И оттуда, из далёкой дали проспекта пошёл, пошёл бесшумно и от того особенно жутко старый трамвай с деревянным корпусом. Ближе, ближе... Тьма, просвеченная прожекторами, хищно клубилась вокруг него, и надо было отойти в сторону, чего уж там, не отойти – отбежать. Но ноги словно примёрзли к дороге, не получалось не то, что сдвинуться с места, не получалось нормально вдохнуть. Призрак приближался, неотвратимо и медленно, лицо водителя – белое бледное пятно... Надя вдруг узнала, узнала его – мама! Но не в последние годы, какой запомнилась она с самого детства, а с

давних фотографий, где Вере Аверченко едва исполнилось двадцать, юное, гладкое, знакомое до боли, до нервной дрожи лицо...

– Мама! – крикнула девушка, бросаясь вперёд. – Мамочка!

Мама неспешно погрозила ей пальцем: не ходи по путям, малышка, это нехорошо.

– Мама! Мамочка!

Ветер выбил из глаз отчаянные слёзы, проморгавшись, Надя увидела, что мамин трамвай исчез, как и не было его, а по рельсам мчится, отчаянно трезвоня, обычный красно-белый рейсовый ЛМ-99-АВН, он же «пчёлка», шестого маршрута. Девушка закрыла глаза, силы покинули её окончательно, и провалилась в беспамятство.

Очнулась рывком, в чужих тёплых руках. Её костерили, на чём свет стоял, уши сами собой сворачивались в трубочки:

– Жить надоело, коза драная? – непечатные определения.
– Так пойдёшь и повесишься в туалете! – непечатные пожелания, что ещё следовало с собой сделать в том туалете. – Не впутывай в свои проблемы других! – и снова по этажам.

– Простите... – пролепетала Надя, вставая. – Так что-то...
Голова вдруг закружилась...

Опёрлась ладонью о бок трамвая, и тот отозвался привычным теплом. Свой, из пятого парка... а вообще странно, «пчёлки» пятого вроде бы по шестому маршруту не ходят... Где-то была авария, прошла замена?

– Скорую вызвать? – сменила водитель гнев на милость.

– Не надо... А вы в парк? Я бы с вами...

– Куда тебе?

– На Сердобольскую...

– Да ты же Надька Аверченко! – вдруг узнала её водитель.

– Ага, – кивнула Надя, вспомнить имя своей спасительницы она почему-то не сумела, и стало вдруг до слёз стыдно за собственную дырявую память.

– Садись, поехали...

Тучков мост. Камменнотровский проспект. Торжковская улица, Сердобольская. Парк...

Оранжевый свет фонарей танцует на летящем сквозь ночной мрак снеге. Под мост, мимо уснувшей шиномонтажной станции... Сухо шелестит мимо шальная машина. Сверху доносится протяжный стон опоздавшей электрички, «так-так-так» – быстрый перестук колёс по рельсам, звук удаляется, стихает минуты три. Гремит навстречу сорок восьмой трамвай, старая одиночная «машка», ЛМ-68М. Водитель – Ленка Карпова, ровесница, вместе пришли восемь лет назад на стажировку, поднимает в приветствии руку.

Надя помахала подруге в ответ. И поспешила к светофору.

Ещё одни сутки провалились в прошлое безвозвратно.

Надо давно уже не считала уходящие дни.

ГЛАВА 3

Что можно подарить человеку, который может купить себе всё? Ну, почти всё. Саша двадцать восьмого декабря праздновала день рождения. Звала отметить, обещала гостей, танцы, весёлую программу. «А то всё киснешь среди своих ржавых громозек!»

Загородный дом заранее вызвал у Нади дикую тоску. В прошлый раз – летом, кажется, – Саша тоже что-то праздновала, невозможно было отказаться, пришлось терпеть. Дом у Саши – полная чаша. Двухэтажный, с оформленным по последнему писку ландшафтной моды двором. Внутри всё сверкает, сияет – самое современное, самое трендовое, не дешёвой стоимости. Надя чувствовала себя там коровой на льду. Слуги опять же. Эти... горничные... как у какой-нибудь герцогини. Сама бы справилась, спасибо, но неловко гнать человека, которому платят зарплату за то, что он тебя обихаживает. А ну как девушку премии лишат? Или ещё что-нибудь, штраф там какой-нибудь. В прислуги идут не от хорошей жизни, к тому же, Надя однажды слышала, как Саша распекала накосячившего в чём-то – в чём именно, девушка не разобралась, – садовника. Она ничего не сказала сестре, в чужом доме свои порядки не наводят, но осадок остался.

Ты знаешь, что кто-то всецело от тебя зависит, и этим бес-

принципно пользуешься. Нехорошо.

Надя понятия не имела, какво это, управлять большим коллективом, хоть в рамках своего бизнес-проекта, хоть обслуживающим персоналом, назначенным вести дом и за домом ухаживать. Не знала, что в отношении «я плачу, ты работаешь» нельзя вмешивать желание выглядеть в глазах работника хорошо; разные это категории совершенно, разные. И работу надо самолично проверять, не без этого. И наказывать рублём тех, кто работает хуже, чем мог бы. И тех, кто пытается тебя обмануть тоже. Не будешь жёсткой, не проявишь в нужное время нужную толику твёрдости, – прогоришь. И не только с домашней обслугой.

Сложно с людьми. Всегда сложно. Не каждый может. Надя – не смогла бы. Впрочем, она и так это о себе знала.

Ей бы – любимый вагон, и захлопнуть двери в кабину, ладонь на контроллер, вперёд, колесить по улицам Города, возить пассажиров... А день рождения сестры, пусть даже самой замечательной и чудесной сестры в мире, – пытка и мука, и скорее бы уже её отбыть.

За подарком Надя отправилась на знаменитый блошинный рынок на Удельной. Тут можно было найти всё, что угодно, а самое главное – раритеты прошлого века. Не драгоценности же дарить сестре, у которой тех бриллиантов куры не клюют. Не картины, в которых всё равно мало что смыслишь. Не книги, и не пирожные. Надя ходила по рынку, надеясь увидеть какую-нибудь красивую безделушку из тех, что можно

поставить на рабочем столе или на окно спальне.

А что ещё можно подарить человеку, который способен купить себе всё, что угодно?

Надя долго бродила между контейнерами, самодельными прилавками, разложенным прямо на земле на клеёнке или вовсе старых газетах товаром. Неистребимый запах хлорки от секунд-хэнда и просто старой одежды, обязательная грязь под ногами – к Новому году, как всегда, потеплело, и с неба сыпалась седая противная морось, ни снег, ни дождь, так, нервотрёпка погодная, обыкновенная. Винтажные – читай, старые! – сумки, дермантин, само собой. Кожзаменитель. Себе такую сумку не купишь, не то, чтобы на подарок. Море удочек и старых сапог по бедро – ряды для любителей рыбалок всех видов. Пластинки для патефона... Одна беда, Саша не слушает патефон, а для себя – для оставшегося с незапамятных времён маминого аппарата! – слишком дорого. И не нужно. Когда Наде слушать патефон? Да и он, заброшенный, пролежавший на антресолях несколько десятков лет, навряд ли сможет завестись...

Надя остановилась у человека, торговавшего фигурками деревянных кошек. Кошки были самыми разными, грустными, весёлыми, игривыми и ленивыми, неизвестный мастер сумел передать настроение своевольному дереву. Его звери словно бы жили своей какой-то жизнью, как умеют жить только лишь кошки. Минимальная раскраска: глаза, ушки, лапки, – всё скупыми, точными штрихами, белая, тёмно-ко-

ричневая, охряная краски, терракотовые носы, выглаженная поверхность, приятный терпкий древесный запах. Цена купилась – семьсот рублей за фигурку, большие шли за тысячу. Надя взяла в руки одну и немедленно поняла, что нашла именно то, что с таким тщанием искала. То самое упругое отражение, эмоциональный отклик, уверенность в том, что поступаешь правильно. Девушка подумала, и купила одну большую и две маленькие. Получилась кошка-мать с двумя сыновьями. Дорого, но... от скидки Надя отказалась. Она почему-то решила, что фигурки продаёт сам мастер. Уж так он смотрел на исчезающие в Надиной сумочке покупки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.